

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я с откровенно скучающим видом пролистывала сайт с объявлениями о работе. Глазу не за что было зацепиться — в это трудное время требовались в основном курьеры и младший медицинский персонал. Впрочем, если дальше дела будут складываться подобным образом, выбирать особенно не придется. Была, конечно, одна работа, на которую я, в принципе, была согласна: ночным охранником на хлебобулочном заводе.

Моя фантазия уже успела в красках нарисовать мой рабочий день, а если быть точным, то ночь — окруженная ароматами свежей выпечки, я буду блаженно предоставлена сама себе всю смену, имея прекрасную возможность прочитать все книги, которые давно планировала, и отсмотреть фильмы из небольшого личного списка.

Однако перед этим придется пережить порцию возмущений тети Милы о том, что такая образованная и талантливая барышня, как я, достойна лучшего, да и убедить работода-

ля, что хрупкая девушка справится с данной должностью лучше сонных усатых дяденек, всю ночь решающих кроссворды.

И словно иллюстрируя мои фантазии, из кухни донесся приятный аромат тыквенного пирога.

Тетя Мила честно соблюдала самоизоляцию, отправляясь в магазин, словно на самое ответственное задание в своей жизни; замотанная с ног до головы, как старшая жена в гареме.

Как и многие другие люди в это непростое время, проводя дома намного больше времени, чем обычно, тетя Мила открывала в себе много новых талантов и навыков.

Например, под моим чутким руководством занялась изучением португальского языка, вышила две большие картины бисером и целыми вечерами упражнялась в кулинарном мастерстве.

За первые две недели, проведенные в подобном режиме жизни, она успела уже испечь неплохую чабатту с чесноком и специями, десятка два пирогов с различной начинкой и несколько вариантов имбирного печенья в виде человечков. Имбирная армия вполне могла бы захватить маленькое кондитерское государство, не будь стремительно уничтожена своей создательницей.

Я предпочитала держаться подальше от аппетитных опусов тетушки, чтобы не растерять свою обычную физическую форму, да и к тому же старательно избегала встреч с постоянно ра-

ботающим на кухне телевизором, навязчивый поток новостей из которого вызывал у меня страшную мигрень.

Измученная сложными вопросами выбора временной работы, я решила сделать небольшую паузу — собрала волосы в высокий хвост, натянула толстовку и отправилась на вечернюю пробежку, воспользовавшись увлеченностью тети Милы последним найденным в интернете рецептом.

Тетя Мила довольно болезненно переносила каждую мою отлучку, каждый раз по возвращении мучая меня длительной лекцией о том, как опасно нарушать самоизоляцию.

Как правило, лекция щедро сдабривалась иллюстрирующими ее страшилками, услышанными по телевизору.

Но я была осторожна, впрочем, как и всегда.

Мои вечерние пробежки в принципе не предполагали тесного контакта с людьми. Местные алкоголики, в темное время суток занимавшие все свободные лавочки в парке, еще с первой встречи со мной были научены горьким опытом — любая попытка нарушить мое личное пространство может закончиться довольно неприятно.

Пара выкрученных предплечий — и никому больше не приходило в голову пытаться познакомиться с одинокой бегуньей, отмочить глупую шуточку или пострелять мелочь на новую чекушку водки.

Я была предоставлена себе, и никто не мог испортить мое истинное наслаждение от легкой физической нагрузки перед сном.

В этот раз я внезапно оказалась лишена недовольного приветствия тети Милы.

За пролет до двери нашей квартиры я почувствовала запах хорошо знакомого одеколона. И хотя в последний раз мы с этим ароматом встречались приличное количество лет назад, его интенсивность и специфические нотки сразу обличили передо мной личность его владельца.

Перед нашей дверью возвышалась фигура, с ног до головы облаченная в черное — от тяжелых сапог на ногах, слишком жарких для нынешнего времени года, до нелепой кепки, венчавшей замотанную платком голову.

Дверь перед незнакомцем открыла тетя Мила, и из-за его спины я прочитала на ее лице глубокий, почти суеверный ужас.

Конечно, высокий гость выглядел довольно внушительно в своем мрачном одеянии.

Тетя Мила некоторое время оторопело разглядывала гостя, пока не зацепилась взглядом за бутылку вина в одной его руке и коробку дорогих конфет в другой.

Незнакомец пробормотал что-то нечленораздельное и протянул подношения тете, которая была настолько ошарашена, что приняла их безо всяких возражений.

Гость завозился, стягивая с головы платок и респиратор, поскольку без них разобрать

хоть слово, произнесенное им, не представлялось возможным.

Из-под черной банданы показалась копна смоляных кудрей и загорелые уши.

В глазах тети Милы страх мгновенно сменился интересом.

Мне не нужно было уметь читать мысли, чтобы догадаться, что в этот момент тетя Мила представляет себе, как прекрасный незнакомец ведет меня к алтарю.

Меня даже слегка передернуло.

— Здравствуйте, — наконец-то внятно заговорил мужчина, — я могу увидеть Евгению?

— Да... — растерянно обронила тетя Мила и только в этот момент заметила мое неслышное присутствие у двери противоположной квартиры, — ой...

Незванный гость обернулся и вперился в меня яркими светлыми глазами на смуглом лице.

— О! — выдохнул он. — Всегда восхищался твоим умением двигаться бесшумно.

— Мы встречались один раз, и я вот совсем тобой не восхищалась, — мрачно парировала я и прошмыгнула мимо широких плеч гостя в прихожую.

Я знала, что он скажет дальше, уже обращаясь к тете Миле.

— Меня зовут Хуан и...

— Иван, — оборвала я начало такой пламенной и вдохновляющей для моей бедной

тети вступительной речи, — проходи, не топчись на пороге. И руки помой.

Я сбросила на тумбочку в прихожей потрепанные наушники и загнала под нее старенькие, но горячо любимые кроссовки.

Конечно, тетя Мила была впечатлена и готова поверить сейчас в любые рассказы, которые польются из красноречивого рта моего старого знакомого, но я совсем не разделяла ее восторгов.

Единственное, что интересовало меня во всей этой ситуации, — как эта знаменательная во всех смыслах личность отыскала мой домашний адрес и вообще оказалась в скучном провинциальном Тарасове, вооружившись вином и конфетами.

Иван, или Ванечка, как мы его все прозвали в недолгое время совместной работы на Кубе, именно там приобрел свой впечатляющий латиноамериканский загар. Хотя в действительности это влюбленное в свое отражение в зеркале и довольно плаксивое существо крайне трудно переносило жаркий влажный климат, а от солнца скрывалось за дурацкой шляпой и тоннами средства для (или от, я не уточняла) загара.

Тетя Мила тут же накрыла на кухне роскошный стол с чаем и свежим тыквенным пирогом и даже в честь такого грандиозного события, как появление мужчины в нашем доме, выключила ненавистный мной телевизор. Вместо него она настроила старый радиоприемник

на крайне интеллигентную волну, целыми сутками крутившую старый очаровательный джаз.

Тетушка смерила меня самым возмущенным из всех своих взглядов, когда я явилась к чаепитию в своей домашней толстовке и тренировочных штанах вместо какого-нибудь нарядного одеяния для светских раутов.

Сама она даже вязаную розочку прикрепила к джемперу, всегда вызывавшую во мне смесь умиления и ехидства. Но в своем нелепом виде было сложно переплунуть долговязого Ивана в его черных тряпках, неуклюже расположившегося всем своим внушительным ростом на маленьком стульчике за компактным кухонным столом. Он выглядел словно детский солдатик, случайно заглянувший на кукольное чаепитие.

— Ну, с чем пожаловал? — с порога начала я и прихватила со столешницы принесенное Иваном вино.

Оно интересовало меня куда больше разлитого тетей ароматного чая в маленьких праздничных чашечках для приема гостей.

— Ох, Женя, — снова томно вздохнул Иван, — твоя прямота...

— Можешь считать это любопытством, — смягчилась я, — Тарасов не самое популярное место для туризма.

Я налила себе вина в бокал, наблюдая, как Иван прихлебывает чай, аристократично отогнув мизинец.

Интересно, он всегда был таким манерным или нахватался подобных глупостей, долго работая в дипломатических кругах кубинцев? Этот южный, темпераментный и немного дикий народ имел совершенно своеобразные представления об этикете. По большей части почерпнутые из кинематографа, конечно.

— А как вы познакомились? — решила перевести беседу в другое русло тетя Мила, а заодно, конечно, утолить мучившее ее любопытство.

Боюсь даже представить, какие страстные служебные романы между мной и Иваном сейчас сплетались в ее возбужденном воображении.

— Работали вместе, — бросила я без особого энтузиазма.

— На Кубе, — счел себя обязанным уточнить Иван. — Мы состояли в элитном отряде телохранителей...

— Фиделя Кастро? — взволнованно перебила тетя Мила.

Я нервно хохотнула.

— Нет, к счастью, всего лишь одного мелкого дипломата, — поспешила разрушить красочную картинку я и не удержалась от едкого уточнения: — Если бы наше задание было настолько масштабным, то кое-кто бы так знатно поплатился за совершенную оплошность, что вряд ли заявился бы сейчас в Тарасов...

Иван грозно сверкнул на меня глазами, намекая, что данный разговор он предпочел бы

не продолжать, как, впрочем, и не начинать при посторонних свидетелях. Однако я абсолютно не планировала вести с ним приватные беседы, особенно после того, как в первые же минуты нашего знакомства когда-то, отпустив парочку напыщенных и безвкусных комплиментов, Иван неоднозначно намекнул на широкую постель в своем номере и отлично работающий кондиционер.

Серьезно, на Кубе таким мог похвастаться далеко не каждый, и эта привилегия должна была оказать действительно впечатляющий эффект. Кондиционером, конечно, но не постелью. В большинстве случаев помещения проветривались старыми вентиляторами колониальных времен, невольно заставлявших меня вспоминать все просмотренные фильмы-нуар, а заодно сцену с мающимся от жары героем в «Апокалипсисе сегодня».

Да, делая мне подобное предложение, Иван тоже, вероятно, руководствовался историями, просмотренными в фильмах, но каких-то других.

Задание в жаркой стране с ярким колоритом, красотка-напарница (я не льщу себе, а даю адекватную оценку своей внешности, сложенную из общих статистических данных) в строгой военной форме, бурная тропическая растительность вокруг, ром, льющийся рекой...

Да, лучше бы он привез ром и сигары, а не кислое вино из ближайшего магазина и затвердевшие конфеты, которые тетя Мила

спрячет для особого случая и достанет только тогда, когда они станут окончательно напоминать археологические находки своей окаменелостью.

Негодяй Иван своим появлением так или иначе заставил меня вспомнить шоколадный вкус хороших кубинских сигар и золотистые переливы напитка пиратов на солнце.

— Вы тоже... телохранитель? — продолжила свой расспрос тетя Мила, пока я мечтала о том, как пропустила бы стаканчик чудесного терпкого нектара.

Иван сразу вздернул вверх аккуратный нос и гордо кивнул.

— Вам бы актером быть с такой внешностью, — восторженно сказала тетя Мила, поглядывая на меня, — у вас интересный типаж...

— Моя мама была из старинной казачьей семьи с юга, — не без тени гордости заявил Иван, — и я думал о том, чтобы стать актером, но... отец. Он военный и хотел, чтобы я получил другое образование.

Я поймала еще один многозначительный взгляд тети Милы и, чтобы отвлечься от повисшей в воздухе легкой неловкости, откусила кусочек пирога.

— У вас так много общего, — резюмировала тетя Мила и невзначай пнула меня ногой под столом.

Хоть пространство нашей кухни и было достаточно маленьким для случайного столк-

новения, я все-таки не верила в подобные совпадения.

— Ой да, мой отец тоже хотел сына, — расхохоталась я, — и засунул меня в военное училище.

Иван часто захлопал густыми ресницами.

Да, нужно было отдать должное его импозантной внешности. И возможно, его даже можно было бы счесть довольно привлекательным, если бы не все эти нелепые ужимки и постоянное наигрывание на невидимую камеру.

— Женья. — Тетя Мила сопровождала мое имя таким тяжелым вздохом, что мне даже стало немного стыдно за свое поведение.

Я хотела поиздеваться над Иваном, но невольно задела ее робкие надежды на появление у меня стабильной личной жизни и, быть может, даже семьи.

Если попытаться поставить себя на место тети Милы и посмотреть на ситуацию ее глазами, все складывалось довольно хорошо. Посреди мрачного заточения в нашем маленьком замке появляется прекрасный принц, красивый, сильный, волевой, но плохо разбирающийся в винах, чтобы умчать меня в ту жизнь, где я никогда больше не буду подвергаться опасности на своей ужасной работе.

Зная мою тетушку, я уверена, что она уже даже скрестила в голове наши с Иваном разные черты и представила, как расчесывает темные непослушные кудри нашим голубоглазым детям.